

СИМВОЛИСТСКИЙ РОМАН О ФРАНЦУЗСКОМ НАШЕСТВИИ В РОССИЮ ДАТСКОГО ПИСАТЕЛЯ СОФУСА МИХАЭЛИСА

Мария Михайлова

Доктор филологических наук, профессор,
Кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (РФ),
119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 51,
e-mail: mary1701@mail.ru

Анастасия Ляпина

Кандидат филологических наук, редактор,
Отдел перевода и редактирования,
АО «ПвК Аудит» (РФ),
125047, Москва, ул. Бутырский Вал, 10, бизнес-центр «Белая площадь»,
e-mail: anastasialyap@mail.ru

UDC: 82-311.6

РЕФЕРАТ

В данной статье проводится первый обстоятельный анализ на русском языке произведений датского писателя начала XX в. Софуса Михаэлиса. *Целью* исследования явилось желание привлечь интерес к творчеству этого незаслуженно забытого писателя. Михаэлис в свое время был весьма известен на родине и в Европе, однако в России в тот период его литературная репутация сложилась крайне неудачно. В результате проведенного исследования было установлено, что Михаэлис является одним из редких и ярких представителей символизма в Дании: он начинал с поэтических зарисовок, а впоследствии и сборников, после чего постепенно перешел к прозаическим жанрам сначала малой, а потом и крупной формы, результатом чего стал символистский роман «Вечный сон. 1812» (1912). В статье представлен детализированный анализ этого произведения, в котором описывается поход Наполеона на Россию и его поражение. Особое внимание уделено ярким образам-символам: солнцу и снегу. Император ассоциирует себя с небесным светилом и ощущает его временную поддержку. Последние главы романа сопровождается образ бесконечного снега, который ассоциируется у императора с саваном. В статье показана реакция русской читающей публики на это произведение (проведен анализ трех статей). *Научная новизна* данной статьи обусловлена тем, что в ней впервые охарактеризовано творчество Михаэлиса и подробно проанализирован один из его лучших романов. *Практическая значимость* работы заключается в возможности ее использования при

проведенні лекційних курсів і практичних занять по історії російської літератури кінця XIX – початку XX в., історії російської критики цього ж періода, історії данської літератури. Отримані в результаті дослідження дані можуть стати основою для коментаріїв або супутуючих статей.

Ключевые слова: данська література, символістський роман, початок XX століття, Наполеон, Росія, Вітчизняна війна 1812 року.

ABSTRACT

Mariia Mikhailova and Anastasiia Liapina. Symbolist novel about French invasion into Russia written by Danish writer Sophus Michaelis.

This article presents the first detailed analysis in Russian of Sophus Michaelis works. The *aim* of this study was to attract interest to the works of the unjustly forgotten Danish writer of the early 20th century. Michaelis was very well known in his homeland and Europe, but in Russia during that period his literary reputation has developed poorly. This article reports the *results* of the research during which it was found that Michaelis is a bright representative of symbolism in Denmark, he started with poetic sketches, then he turned to the prosaic genres and then wrote a symbolist novel «The eternal sleep. 1812» (1912). The paper presents a detailed analysis of this work, which describes the march of Napoleon to Russia and his defeat. Particular attention is paid to the symbols: the sun and the snow. The emperor associates himself with the sun, and he feels its temporary support. The last chapters of the novel are connected by the image of endless snow, which is associated with shroud. The article describes the reaction of Russian reading public to this work. The *scientific interest* of this article is connected with the fact that it was the first analysis of Michaelis' works and of one of his best novels. The practical significance of the work lies in the possibility of its use during lectures and workshops about the history of Russian literature of the period, history of Russian criticism and of Danish literature.

Key words: Danish literature, symbolist novel, beginning of the 20th century, Napoleon, Russia, War of 1812.

РЕФЕРАТ

Марія Михайлова, Анастасія Ляпіна. Символістський роман про французьке нашествя в Росію данського письменника Софуса Міхаеліса.

У статті здійснено перший всебічний аналіз російською мовою творів данського письменника початку початку XX ст. Софуса Міхаеліса з метою привернути увагу до творчості цього незаслужено забутого письменника. Міхаеліс свого часу був досить відомим на батьківщині і в Європі, але в Росії в цей період його літературна репутація склалася вкрай невдало. Здійснене дослідження засвідчує, що Міхаеліс є одним з рідкісних і яскравих представників символізму в Данії: він починав з поетичних замальовок, пізніше і збірників, після чого поступово перейшов до поетичних жанрів малої і великої форми, наслідком чого став роман «Вічний сон. 1812» (1912). У статті репрезентовано детальний аналіз цього твору, в якому зображено похід Наполеона на Росію і його поразку. Особливу увагу приділено яскравим образам-символам: сонцю і снігу. Імператор асоціює себе з небесним світлом і відчуває його тимчасову підтримку. Останні розділи роману супроводжує образ безмежного снігу, що асоціюється з імператором з саваном. У статті показана реакція російських читачів на цей твір (проаналізовано три його частини). *Наукова новизна.* У статті вперше охарактеризовано творчість Міхаеліса і детально проаналізовано один з його кращих романів. *Практичне значення* дослідження полягає у можливості його використання в лекційних курсах та на практичних заняттях з історії російської літератури кінця XIX – початку XX ст., з історії російської критики цього періоду, з історії данської

літератури. Отримані в результаті дослідження можуть стати підґрунтям для коментарів та супровідних статей.

Ключові слова: датська література, символістський роман, початок XX століття, Наполеон, Росія, війна 1812 року.

Творчество датского писателя Софуса Михаэлиса (1865–1932) почти неизвестно в России. Исключением, пожалуй, является только его роман «Небесный корабль» (1921), который стал практически первым датским произведением научно-фантастического жанра, описывающим жизнь людей на Марсе. В России роман был издан в 1927 г. ленинградским издательством «Мысль» и переиздан в 2013 г. в Москве издательством «Резерв-і-М» в серии «Библиотека забытой фантастики». Переводчица романа Анна Ганзен характеризует автора в предисловии к изданию 1927 г. как блистательного знатока европейских языков (французского, немецкого и латинского). Благодаря этому он смог стать переводчиком на датский язык «Саламбо» и «Искушения святого Антония» Флобера, а также тонким художественным критиком.

Михаэлиса интересовали различные эпохи в истории человечества: он отдал дань увлечению Средневековьем. Роман «Остров любви» (1895) пронизан культом прекрасного и представляет собой «оригинальное сочетание романтической поэзии, народного эпоса и реалистически смелых описаний средневекового быта» [3, с. 5]. Эпоха Возрождения воспроизведена в исторической новелле «Джованна» (1901), греко-персидская война запечатлена в романе «Эллины и варвары» (1914), а драма «Революционная свадьба» (1906) воспроизводит события Великой Французской революции, на фоне которой разворачивается трагическая история любви молодого роялиста маркиза Эрнеста де Трессая, хозяйки замка Элен д'Этуаль и предводителя революционеров полковника Марка-Аарона (правда, «Литературная энциклопедия», выходявшая в 1930-е гг. в СССР, почему-то указала, что данное произведение посвящено жизни «русских нигилистов» [7, стб. 386]). В данной драме заявлена очень важная для творчества Михаэлиса и всей европейской литературы тема самообмана, которая будет встречаться и в нескольких других произведениях писателя. Почти все главные герои этой драмы так или иначе дорисовывают реальность в своем воображении, основываясь на собственных предположениях или фантазиях, что и приводит их к трагедии. Драма ставилась на сценах европейских театров, а также в Америке. По ее мотивам было снято фильмы в Дании (1910), Франции (1915) и Германии (1928, 1938), в которых режиссеры почти не меняли сюжет. Возможно, что интерес к эпохе, предшествующей появлению на политической сцене такой фигуры, как Наполеон, стал импульсом к изучению личности французского императора, вызвавшим к жизни пьесу

«Св. Елена» (1910). Она же, по-видимому, явилась подготовительной работой к созданию довольно масштабного полотна, воспроизводящего этапы вторжения Наполеона в Россию и его позорного бегства из страны.

Надо при этом заметить, что в сознании датчан Михаэлис остается прежде всего поэтом, в противовес бодлеровским «Цветам зла» (которые он перевел) написавшим сборник «Цветы солнца» (1901; отдельные стихотворения из него публиковались, уже начиная с 1891 г.) и впоследствии развивавшим солярный миф в своих произведениях. Не исключено, что это оказало воздействие на К.Д. Бальмонта, создавшего свой сборник «Будем как солнце» (1902) уже после поездки в скандинавские страны и знакомства с Дагни Кристенсен. «Небесный корабль», возможно, также сыграл особую роль в русской литературе: он появился до написания А.Н. Толстым «Аэлиты» (1923), и с ним находящийся в Берлине русский писатель мог познакомиться или услышать о нем от своего литературного окружения. Во всяком случае мир, гармония тела и духа лучших жителей иной планеты, о чем повествует Михаэлис, вызывают в памяти некоторые эпизоды толстовского романа, впрочем, как и его пессимистический финал.

А. Ганзен отмечала, что для палитры Михаэлиса характерны «стилистическая изысканность, яркая красочность, граничащая с цветистостью, богатство фантазии и солнечная радость жизни, соединенная с культом красоты» [3, с. 3]. Датские же исследователи полагают, что для творчества Михаэлиса характерно неожиданное сочетание упаднических настроений и умения великолепно описывать природные силы и светлые человеческие эмоции, что приводило к яркому магнетическому эффекту [2, s. 363]. Этот удивительный эффект связан с ключевым символом, пронизывающим все творчество писателя, каким становится солнце, космическая энергия которого в любом произведении так или иначе воздействует на образы, ярко определяя их основные черты (филологи Дании считают, что так подчеркивается их «надмирность» [1]). Описание солнечного дождя присутствует, например, в сборнике «Праздник жизни» (1900), а также в упомянутом выше романе «Остров любви».

Символ солнца будет определять и поэтику романа Михаэлиса «Вечный сон. 1812» (показательно, что в русском переводе два слова в названии переставлены – «1812. Вечный сон», или «1812 год. Судьба императора», – что может быть связано с желанием выдвинуть Отечественную войну 1812 г. на первый план). Роман, повествующий о поражении Наполеона в России в 1812 г., вышел в России почти одновременно с датским изданием (1912), что, вероятнее всего, диктовалось потребностью русского книжного рынка отметить 100-летнюю годовщину войны, показать происходившее в русском отечестве столетие тому назад глазами иностранца (роман Д. С. Мережковского «Александр I» (1911) описывает

русскую действительность уже после победоносной войны). Роман Михаэлиса был опубликован на страницах журнала «Баян», а также издательствами «И. Д. Сытина», «Современные проблемы» и «Польза». Кроме того, издательство «Польза» в 1914 г. переиздало этот роман.

Создавая это произведение, датский писатель безусловно ориентировался на «Войну и мир» Л. Н. Толстого, однако его замысел в целом принципиально отличался от подхода русского писателя. Михаэлис создавал символистский роман, который требовал иной интерпретации реальности: конкретно-исторический дискурс Толстого датский писатель стремился перевести в символический план, что ему вполне удалось, ибо он прибегнул к экспрессионистским средствам для воссоздания ужаса разгрома наполеоновской армии.

В произведении подробно дан образ лишь одного персонажа – Наполеона. Поток противоречивых мыслей, страдание, причиняемое болезнью почек, – вся эта тайная внутренняя жизнь открывается читателю во внутренних монологах героя (здесь налицо прямая учеба у Толстого!). Остальные персонажи появляются лишь тогда, когда их видит стремительно перемещающийся Наполеон, не способный надолго сфокусировать свое внимание на ком-либо. Благодаря этому приему остальные люди превращаются в фон, воздействующий на ход мыслей императора и почти неотличимый от природы или животных по степени влияния на него.

Интерпретируя образ Наполеона, Михаэлис не стремится полемизировать с Толстым, однако его трактовка этого героя выглядит сложнее толстовской потому, что он исследует этого человека изнутри, а главное – не руководствуется изначально заданной концепцией о несущественности роли личности в истории, которая водила пером русского писателя. И хотя оба автора рисуют характер Наполеона в двух проекциях – как полководца и обычного человека, – оценки личности императора у писателей не совпадают. Русский писатель настойчиво проводит мысль о ложном величии императора, что диктует сниженные детали при описании его внешности («маленький», «жирные ляжки»), фиксирование презрительного отношения Наполеона к людям, постоянно демонстрирующего свое превосходство над ними. В итоге в памяти читателей Наполеон остается человеком, характеризующимся тягой к актерству, тщеславию и самовлюбленностью. И хотя в тексте романа Михаэлиса тоже упоминается, например, лишний вес императора, он объясняется тщательно скрываемой ото всех болезнью почек, поэтому читатель уже не может рассматривать полноту Наполеона как отрицательную характеристику. Датский писатель описывает и несколько сцен, где Наполеон намеренно играет на публику: угощает часового дорогим вином; сообщает, что мучные черви полезны для здоровья солдат, и т. д.

Он произносит фразу: «Смелые люди презирают погоду. Дело чести не боится грязи. Пусть офицеры исчезнут в грязи, так что не узнать чина, лишь бы идти вперед! Драться в грязи всего лучше!» [6, с. 52], – что демонстрирует его самоуверенность и нечувствительность к людским переживаниям. Однако вся эта «игра» полностью поддерживается его свитой и солдатами, у которых такая нарочитая «искусственность» не вызывает отторжения: «Его присутствие пробегает по утомленным рядам как электрический ток. Дисциплина возрастает, склады наполняются, жалобы умолкают» [6, с. 27]. И принципиальное отличие двух романов заключается именно в том, что датский писатель представляет иное видение хода истории: он полагает, что личность способна переломить развитие событий: «Единая рука привела в движение войска» [6, с. 20].

В романе Михаэлиса Наполеон, как и у Толстого, идет наперекор судьбе, однако император здесь борется не с ходом и законом истории, а с роком, предначертанной собственной судьбой: «Он пылает желанием двигаться вперед. <...> Человеческая глупость, это жалкое ничтожество, задерживает его своими сетями» [6, с. 57]. Кроме того, он жаждет навязать свою волю другим, получить власть над ними. Подобное желание восходит, скорее, не к Толстому, а перекикивается с идеями Ф. Ницше: «Пусть меня ненавидят, лишь бы меня боялись!» [6, с. 17]. Император у Михаэлиса так же, как и Наполеон в «Войне и мире», часто испытывает презрение к окружающим. «Им понятно только насилие, принуждение, оковы трактатов. Поэтому-то и надо наложить на них оковы на них» [6, с. 19] – таков ход его мыслей. Однако Наполеон при этом способен проявить и искреннее сочувствие. «С отеческим добродушием он старается сделать все возможное для помощи» [6, с. 53]. Гибель французских солдат не оставляет его равнодушным, но он убежден, что нужно сдерживать свои эмоции. Вот ход его размышлений: «Он способен чувствовать, но знает по опыту, что внешнее выражение чувств доказывает слабость. Разве крики и слезы спасут хоть одного смельчака?» [6, с. 42]. Кроме того, император на протяжении всего романа демонстрирует незаурядные ораторские качества, которые позволяют ему объединять людей вокруг себя. Однако он все время ощущает свое одиночество, его глаза, обычно излучающие солнечное тепло, временами источают «холодный ледяной блеск» [6, с. 9]. Таким образом, в интерпретации Михаэлиса образ Наполеона предстает более противоречивым, чем у Толстого: презрительное отношение императора к людям является следствием его борьбы с самим собой, попыткой переделать себя. В начале романа дана следующая портретная характеристика Наполеона: «Странно смешалось выражение благодушия с жестокостью и уверенностью конечного торжества» [6, с. 9], – что намекает на внутренний конфликт.

Но, помимо психологических характеристик, при создании образа императора Михаэлис настойчиво прибегает к символистскому коду. Через весь роман проходят два символа, характеризующих Наполеона, – оружие и солнце. С первых страниц произведения император сравнивается то с пушечным ядром, то с бомбой, то со штыком. Эти образы призваны подчеркнуть его стремительность и силу характера. Кроме того, Наполеон неосознанно тянется к солнцу («весело смеется» [6, с. 7], глядя на него), считает его своим покровителем (называет себя Великим Моголом, т. е. «солнцем востока» [6, с. 8]) и даже ассоциирует себя с ним («мрак ночи должен ему покоряться» [6, с. 11]). Наполеон ощущает в солнце союзника, который должен помочь ему победить русских: «Можно подумать, что это костры, зажженные в честь праздника Солнца, дающего этим землям богатства и обильные жатвы. Но это пылающий факел войны. Его искры зажгут города, спалют крыши домов и внесут багровый ужас огня в самое сердце России» [6, с. 30]. И окружающие нередко отмечают, что взор его «сверкает огнем» [6, с. 39], им видятся «яркие лучи» [6, с. 14]. Воздействие солнца косвенно сказалось даже на облике его супруги: лицо Марии Луизы «усеяно веснушками» [6, с. 6].

Однако солнце, этот ориентир, изменяет императору. И чем глубже он проникает в Россию, тем очевиднее становится подмена: он принимает за солнечный блеск «золотые маковки церквей древней богатой столицы» [6, с. 9]. Солнце мстит ему, обманывая его ожидания. Император мечтает одержать еще одну победу, равную одержанной при Аустерлице, и увидеть то самое солнце, которое взошло тогда, но вновь и вновь русские с восходом солнца скрываются, а в конце битвы при Бородино заходящее солнце предрекает поражение Наполеона: «Красное зарево неба бледнеет как кровь, просачиваясь в землю» [6, с. 77]. А сравнение с восточным правителем-солнцем вообще сыграет с Наполеоном злую шутку: его армия, лишившись продовольственного обеспечения, несмотря на все попытки императора сохранить дисциплину, начнет «сжигать и опустошать все на пути, как дикая орда» [6, с. 72]. И сам Наполеон оказывается не слишком точным подобием солнца: иногда он блещет как «бронзовое изваяние» [6, с. 43]. Таким образом, происходит показательная трансформация образа солнца: из ласкового друга, сопровождавшего ранее в поэтических зарисовках Михаэлиса в основном женские образы, оно превращается в символ мщения, который может обманывать людей и разрушать их судьбы (и это неожиданно сближает Михаэлиса с Ф. Сологубом, также в это время создававшим собственный солярный миф: злого Змия-Солнце).

Что касается изображения русских, то Михаэлис не приводит ни одного конкретного описания солдат или руководителей русской армии,

давая лишь характеристику общей массы. Для русских припасены зооморфные сравнения. Кутузова император называет «старой лисицей» [6, с. 74]. Погоня за двумя русскими армиями представляется Наполеону охотой за «двумя взбешенными медведями, <...> которых решили загнать до полусмерти» [6, с. 44], однако «ловец» не рассчитал своих сил и, желая заставить добычу «защищаться, незаметно стал ее жертвой» [6, с. 45]. Следовательно, звероподобную характеристику получает и французская армия. Поэтому неудивительно, что Бородинская битва рисуется Михаэлисом как битва зверей, «вонзивших когти друг в друга в предсмертной борьбе» [6, с. 77], а стоны умирающих звучат как «рев из груди насмерть пораженного льва» [6, с. 77]. Сама Россия «является ему врагом более ужасным, чем русское войско» [6, с. 49], что означает, что животный символ разрастается до невероятных размеров. Но датский писатель в целом принципиально избегает описания батальных сцен, его больше интересует время после битвы, когда он сосредоточивается, используя для этого экспрессионистские образы, на состоянии природы, а не людей: «В Москве и Колочи вода поднялась, замывая кровавые следы вдоль своих берегов, увлекая их за собой в тяжелые глинистые воды» [6, с. 78].

Но образом-символом, объединяющим последние главы романа, становится снег, который и погружает армию императора и его самого в «вечный сон». Тринадцатая глава в этом произведении та и была названа: «Снег», — что должно было подчеркнуть ту зловещую роль, которую сыграло это погодное явление в судьбе Наполеона. С первых строк снежинки описываются как «гробовые саваны» или «погребальные покровы» [6, с. 178], а великая армия, попав в бурю, мгновенно превращается в «шествие теней» [6, с. 177]. Однако даже в подобной ситуации император готов обманываться и надеяться на добрые знаки от своего талисмана — солнца. Наполеону снежинки кажутся «ложными солнцами, кружащимися вокруг <...>» [6, с. 202]. И данная ошибка становится предвестником окончательного краха его армии. Под воздействием кружащегося и все заметающего снега император теряет те качества, которые были присущи ему в начале вторжения в Россию, — быстроту реакций, веру в себя: «Теперь снег на все наложил свою сострадательную мертвую руку» [6, с. 253].

Сильное впечатление, которое производит роман, несколько снижает беллетристическая концовка (заблудившийся император находит прибежище в доме приютившей его француженки, которая потом до столетнего возраста хранила его прощальную записку, обнаруженную только после ее смерти). Такой мелодраматичный финал сильного символистского текста оставляет читателя в недоумении и разрушает целостное восприятие романа. Однако тому есть объяснение: спасение

Наполеона в бескрайних снегах России Михаэлис связал с версией, появившейся в зарубежной печати: о появлении русской французки, которая отогревает замерзающего императора и дарит ему ночь любви (писатель использовал информацию из книги французского историка Фредерика Массона «Наполеон и его женщины» о будто бы найденном у некоей Амели Боншан, умершей в Бразилии, письме Наполеона, в котором содержалась благодарность за помощь).

Русская критика начала XX века не смогла по достоинству оценить творение Михаэлиса. Большинство откликов сводилось к тому, что такое произведение «переводить... не было никакой надобности и никакого смысла» [5, с. 271]. Критики восприняли его как неудавшийся исторический опус, без «романтического элемента», с шаблонной психологией и философией [5, с. 271]. В рецензиях встречались советы «не терять времени» на «лишенные всякой ценности произведения» [4, с. 5], а еще раз перечитать эпопею Л. Н. Толстого или мемуары участников войны. Сравнения с эпопеями Толстого встречались чаще всего. Лишь немногие рецензенты смогли удержаться от сопоставления датского романа с классическим произведением русской литературы и оценить его как новаторское сочинение. Такова, например, рецензия, опубликованная в «Одесском листке». Анонимный автор приветствует «живое изложение», «романтические детали», отсутствие «неприятного отношения к русским» [8, с. 4], хорошее знакомство писателя с историей и культурой России. Однако даже этому благосклонно настроенному рецензенту не удалось уловить символистскую окрашенность произведения. Думается, что основной причиной невнимания к нему в отечественной печати, непонимания его критиками стала неподготовленность читателей к появлению датского *символистского* романа. Читатели вправе были ожидать приключенческого романтического повествования или социальной драмы, с чем обычно и соотносилась датская литература этого времени. Имя Михаэлиса также не было широко известно русской читающей публике (в начале XX в. он ассоциировался лишь со своей бывшей женой, писательницей Карин Михаэлис, которая в России к тому времени была невероятно популярна). Отсутствие предисловий или информации об авторе сыграло в свою очередь отрицательную роль.

Однако в XXI в. пересмотр данных трактовок представляется необходимым. Произведение Михаэлиса «Вечный сон. 1812» является ярким примером символистского романа, заслуживающим внимания как отечественных критиков и издателей, так и датских литературоведов. И все творчество этого датского писателя, незаслуженно малоизученное, еще ждет своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Den stor danske. Artiklen om Sophus Michaelis. – Режим доступа : http://www.denstoredanske.dk/Dansk_Biografisk_Leksikon/Kunst_og_kultur/Litteratur/Forfatter/Sophus_August_Berthel_Michaelis. – Дата обращения: 10.07.2015.
2. Dansk Litteraturs Historie. Bind 3: 1870–1920. – København: Nordisk Forlag, 2009. – 718 s.
3. Ганзен А. В. Предисловие / А. В. Ганзен // Небесный корабль / С. Михаэлис. – Ленинград : Мысль, 1927. – С. 3–12.
4. К-ский Л. [Рец. на:] Софус Михаэлис. 1812 год. Вечный сон. Роман. Москва, 1912. Ц. 75 к. / Л. К-ский // Русские ведомости. – 1912. – 24 июля, № 170. – С. 5.
5. Лесовой В. [Рец. на:] Софус Михаэлис. Вечный сон. 1812 год. К-во «Польза». Москва, 1912. Ц. 30 к. / В. Лесовой // Новая жизнь. – 1912. – № 8. – С. 271.
6. Михаэлис С. 1812. Вечный сон / Софус Михаэлисю. – Москва : Издание т-ва Сытина в Москве, 1912. – 279 с.
7. Поляков Г. Михаэлис С.-А.-Б. / Г. Поляков // Литературная энциклопедия : в 11 т. – [Москва], 1929–1939. Т. 7. – Москва : ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1934. – Стб. 386.
8. [Рец. на:] Софус Михаэлис. Вечный сон. Роман. Кн-во «Современные проблемы». Москва, 1912 г. Стр. 264. Ц. 1 р. 50 коп. // Одесский листок. – 1912. – 7 июля, № 156. — С. 4.

REFERENCES

1. (2013), “Article about Sophus Michaelis” [“Artiklen om Sophus Michaelis”], *Den store danske*, available at: http://www.denstoredanske.dk/Dansk_Biografisk_Leksikon/Kunst_og_kultur/Litteratur/Forfatter/Sophus_August_Berthel_Michaelis. (in Danish).
2. (2009), *Danish literature history, vol. 3: 1870-1920* [*Dansk Litteraturs Historie. Bind 3: 1870-1920*], Nodisk Forlag, Copenhagen, 718 p. (in Danish).
3. Ganzen, A.V. (1927), “Introduction”, *Michaelis, S., Sky ship* [“Predisloviie”, Michaelis, S., Nebesnyi korabl], Mysl, Leningrad, pp. 3-12. (in Russian).
4. K-skij, L. (1912), “Review: Sophus Michaelis 1812. Eternal dream. Novel. Moscow, 1912. Price: 75 kopecks” [“Retsenziia na: Sophus Michaelis. 1812 god. Vechnyi son. Roman. Moskva, 1912. Tsena: 75 kopeiek”], *Russkije vedomosti*, 24 July, p. 5. (in Russian).
5. Lesovoi, V. (1912), “Review: Sophus Michaelis. Eternal dream. 1812. Publishing house ‘Polza’. Moscow, 1912. Price: 30 kopecks” [“Retsenziia na: Sophus Michaelis. Vechnyi son. 1812 god. Knigoizdatelstvo: ‘Polza’. Moskva, 1912. Tsena: 30 kopeiek”], *Novaja zhizn*, No 8, p. 271. (in Russian).
6. Michaelis, S. (1912), *1812. Eternal dream*, trans. from Danish [1812. *Vechnyi son*, per. s datskogo], Sytin’s publishing house, Moscow, 279 p. (in Russian).
7. Poliakov, G. (1934), *Michaelis S.-A.-B.*, Vol. 7 [Michaelis S.-A.-B. T. 7], Sov. encycl., Moscow, column 386. (in Russian).
8. (1912), “Review: Sophus Michaelis. Eternal dream. Novel. Publishing house ‘Sovremennye problemy’”. 264 p. Moscow, 1912. Price: 1 ruble 50 kopecks” [“Retsenzija na: Sophus Michaelis. Vechnyi son. Roman. Knigoizdatelstvo: ‘Sovremennye problemy’”. Moscow, 1912. Tsena: 1 rubl 50 kopeiek”], *Odesskii listok*, 7 July, p. 4. (in Russian).